

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Margaret Mead. *Anthropology. A. Human Science*, Princeton-New Jersey, Toronto, New York, London, 1964, стр. VIII+260, библиогр.

Имя Маргарет Мид достаточно хорошо известно нашим читателям, поэтому нет необходимости в краткой рецензии давать общую характеристику ее научного творчества. Рецензируемая книга объединяет работы этого крупного американского этнолога, написанные за тридцатилетний период ее деятельности с 1930 г. до наших дней.

Путь М. Мид в науке был сложен. В частности, она отдала дань психорасистским теориям, пользовавшимся в 1940—1950-х гг. довольно широким распространением в американской этнографии. Ее статьи этого периода неоднократно подвергались критике; поэтому, хотя часть из них вошла в рецензируемый сборник, мы не будем на них останавливаться специально и отсылаем читателя к обширной литературе по этому поводу¹.

Следует признать, что многие работы М. Мид, обычно ярко и образно написанные, насыщены богатым фактическим материалом, собранным ею во время многочисленных этнографических экспедиций по странам южных морей. Кроме того, в них содержится положение, носящие методический характер и, несомненно, заслуживающие внимания этнографа. На эту сторону работ М. Мид у нас, к сожалению, обращалось значительно меньше внимания, чем на ее теоретические концепции.

По своей структуре книга распадается на три части. В первой помещены статьи, предназначенные для этнографов, но могущие, по мнению автора, быть полезными для специалистов смежных дисциплин. М. Мид полагает, что этнографам следует с возможной полнотой учитывать данные социологии, экономики, психологии, юриспруденции и «политической науки» (political science), но в основе этнографической работы должно остаться полевое исследование. Как отмечает автор, связь американских этнографов с перечисленными выше науками пока еще недостаточны.

Обращаясь к предмету этнографии, автор указывает, что этнографию нужно считать все же полевой наукой, объектом изучения которой являются современные народы. Далее автор подчеркивает, что американская этнография страдает от недостатка гипотез, теоретических обобщений, которые так характерны для физических и биологических наук. Американская этнография, по мнению М. Мид, явно отстает и в применении новейших методов, в частности метода моделирования, т. е. построения аналога изучаемого объекта и экспериментального исследования социальных процессов. Она отмечает также недостаточное проникновение этнографических знаний в программы общеобразовательных школ. Вместе с тем М. Мид указывает и на другие аспекты практического использования этнографии.

Обращаясь к применению новейших технических достижений в полевых исследованиях, М. Мид констатирует, что американские этнографы недостаточно прибегают в своей работе к киносъемкам, магнитофонным записям и измерительным приборам, очень часто ограничиваясь применением в полевой работе лишь одного фотоаппарата. Заслуживает внимания также замечание автора о важности знания местных языков как средства полевой работы. С особой силой подчеркивается, что этнограф должен непременно владеть языком изучаемого им народа, а не пользоваться услугами переводчика. М. Мид рекомендует также избегать употребления третьего языка, часто мало понятного как для этнографа, так и для местного жителя, но в то же время она считает возможным в некоторых случаях для общения с коренным населением прибегать к «контактному языку» (например, малайскому языку на острове Бали). Она дает интересные советы, как надо вести полевую работу методом опроса. Надо сказать, что русские этнографы (Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз-Тан и другие) изучали местные языки для сбора этнографического материала еще в конце XIX—начале XX вв., так что идея эта в общем не нова.

В последнем разделе первой части затрагиваются такие проблемы современности, как «горизонтальная» и «вертикальная» мобильность современного населения США.

¹ См. Н. А. Бу т н о в, Психорасизм в американской этнографии. *Англо-американская этнография на службе империализма*, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», н. с., т. XII, М., 1951; его же, Современная американская «теоретическая» этнография, «Сов. этнография», 1949, № 1; и другие его статьи и рецензии; Ю. П. А в е р к и е в а, Современные тенденции в развитии этнографии США; ее же, О некоторых этнопсихологических исследованиях в США, сб. «Современная американская этнография», М., 1963; ее же, Психологическое направление в современной американской этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 1; ее же, Материалы Нью-Йоркского съезда этнографов, «Сов. этнография», 1955, № 4; и другие ее работы; С. Н. А р т а н о в с к и й, Культурный релятивизм в американской этнографии, сб. «Современная американская этнография», М., 1963, и др. работы.

Автор воспроизводит здесь широко распространенную в буржуазной социологии так называемую теорию равных возможностей, якобы существующих в современном капиталистическом мире. Нельзя также согласиться с утверждением М. Мид, будто характерные для США условия культурных контактов, например, в таких формах как братства, клубы, религиозные организации и т. д., содействуют созданию в Америке единой культурно-социальной структуры общества. Надо надеяться, автор не предполагает, что подобные культурные контакты снимают такие острейшие социальные конфликты современной Америки, как расовая дискриминация негритянского народа и разгул расизма, с особой силой развернувшегося в некоторых южных штатах США в послевоенные годы. Тем более удивительным выглядит предположение М. Мид, что сложившееся в Америке формы культурных контактов, вероятно, получат широкое распространение во всем мире (стр. 80).

В этом же разделе книги приводится много конкретных сведений, живых и образных зарисовок, взятых из быта коренного населения Новой Гвинеи, острова Самоа и островов Адмиралтейства.

Во второй части подобраны публикации, представлявшие актуальный интерес во время II мировой войны и в первые послевоенные годы, но не потерявшие своего острого значения и в наши дни — это вопросы о войне и мире, межнациональных связях и о роли ученого в современном мире. Касаясь темы войны и мира, М. Мид справедливо замечает, что война не биологическая необходимость, а продукт развития человеческого общества. Правда, далее Маргарет Мид оказывается далека от понимания причин возникновения войн. И некоторые примеры, сравнения, приводимые ею, звучат, на наш взгляд, несколько странно, например, проводимая ею аналогия между современными армиями и вооруженными группами пигмеев и др. Но вместе с тем М. Мид совершенно определенно высказывается за то, чтобы исключить войну из жизни современного общества. Мир должен заменить войну, по ее образному выражению, так же как трактор пришел на смену плугу или автомобиль на смену телеге, запряженной лошадью (стр. 133). Нельзя не приветствовать и такое прогрессивное заявление автора, что нынешнее поколение людей должно приложить все усилия к тому, чтобы спасти мир от разрушительных последствий современной войны (стр. 143).

Во взглядах на межнациональные связи справедливо придается большое значение культурным контактам. Но процесс этот преподносится читателю с идеалистических позиций: различные культуры рассматриваются в полном отрыве от общественно-исторической практики человечества. В этом вопросе автор придает непомерно большое значение духовным ценностям, анализируемым вне всякой связи с социальными и материальными условиями жизни общества.

М. Мид останавливается еще на одном жизненно важном вопросе — на необходимости использования атомной энергии на благо человека. Перед учеными, работающими в области гуманитарных наук, — пишет Мид, — стоит ответственная задача, состоящая в том, чтобы величайшее открытие нашего века — атомная энергия — ни в коем случае не была использована во вред человечеству (стр. 89). Для осуществления этой цели автор рекомендует создать «климат мнения». Долг ученого — быть ответственным выразителем общественного мнения. Однако следует отметить, что М. Мид подходит к этим проблемам с позиций этнопсихологического детерминизма, полагая, что сложные явления, происходящие в современном обществе, можно решить лишь при помощи изучения человеческого поведения.

В третьей части объединена серия статей, освещающих отношение этнографии к другим наукам, и в частности к истории. Здесь же разбираются некоторые близкие М. Мид вопросы питания и привычной диеты, проблемы просвещения и некоторые другие.

М. Мид метко подмечает «ломку барьеров между дисциплинами» и полагает, что это явление отражает прогрессивную форму человеческой активности. Заметьте, что этнография и история тесно связаны между собой и часто дополняют друг друга, автор отмечает различие между этими науками в разном подходе к материалам. Если историк ограничен характером доступных ему документов, то этнограф обычно полагается на метод непосредственного наблюдения, что особенно важно при изучении бесписьменных народов. Когда же дело касается этнографического исследования современного населения передовых, высокоразвитых в промышленном отношении стран, то здесь возможно опираться и на документальные источники, и на материалы, собранные в процессе полевой работы. В последнем случае в качестве примера приводится пятитомный труд В. Л. Уорнера и его соавторов «Янки-сити серия». М. Мид подчеркивает, что этнограф и историк встречаются и тогда, подходят к таким проблемам, как «личность и культура», «национальный характер» и др.

Заслуживает внимания помещенная в третьей части книги статья о «контактных моделях питания». Кстати сказать, эти идеи были положены в основу доклада, прочитанного М. Мид на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в августе 1964 г. («Anthropological Contributions to the Development of Rational Dietary Practices»). В этой статье автор останавливается на том, что следует описывать связанные с диетой привычки, и как они меняются у различных групп

людей или целых народов, какие шаги нужно предпринимать, чтобы добиться изменения в традиционных обычаях питания. Выказывается верная мысль, что изучение пищи, особенно в историческом разрезе, полезно для этнографического исследования быта и культуры народа. Однако мы не можем согласиться с утверждением автора, что пища и связанные с ней привычки обусловлены лишь психологическими моментами.

Касаясь вопроса об образовании и его роли в наши дни, М. Мид правильно подчеркивает его все возрастающее значение в жизни современного общества. При разборе этого вопроса, как и многих других, Маргарет Мид все время сбивается на компаративистские позиции, то и дело приводя совершенно необоснованные, на наш взгляд, параллели. Так, например, по ее мнению, существует полное единство в воспитании детей коренных народов Новой Гвинеи и современного населения США. Различие социально-политических условий, существующих в уломянутых странах, таким образом, не принимается во внимание. Образование рассматривается всего лишь как «инструмент для создания новых человеческих ценностей» (стр. 174). Попутно М. Мид выступает защитником пресловутой доктрины «социальной стратификации», бездоказательно и вопреки реально существующей действительности проповедующей стирание классовых противоречий в капиталистическом обществе.

Мы не будем останавливаться на таких проблемах, разбираемых в третьей части, как инстинкт и др., трактуемых в духе субъективных идеалистических предпосылок этнофрейдизма. Нам представляется более заслуживающим упоминуть о призыве автора к активному изучению не только прошлого, но и острых проблем современности. Эту мысль Маргарет Мид выразила в предисловии: «Эта книга суммирует некоторые наши усилия для построения моста от изучения прошлого и настоящего к ответственному раздумью о будущем» (стр. V).

Все изложенное выше показывает, что рецензируемая книга в теоретическом отношении не свободна (да она и не могла быть свободной) от субъективно-идеалистических концепций ее автора. Многие большие и сложные проблемы, стоящие перед современной этнографической наукой, решаются М. Мид на психологической основе при полном игнорировании исторического подхода к явлениям общественного строя, быта и культуры народов.

Но вместе с тем нельзя не отметить и некоторых положительных моментов, содержащихся в новой книге М. Мид. Надо сказать, что в рецензируемый сборник не включены тенденциозные публикации, посвященные «изучению национального характера русских» и преподносящие читателю в явно искаженном свете советскую действительность. Заслуживает внимания и призыв автора к американским этнографам и представителям смежных наук внести свой вклад в благородное дело сохранения мира во всем мире и предотвращения столь чреватой для человечества своими непоправимыми последствиями термоядерной войны. Аналогичные мысли были высказаны М. Мид и на VII МКАЭН во время ее выступления в секции «Прикладная этнография», что было положительно воспринято советскими и зарубежными делегатами. Хочется надеяться, что эта сторона деятельности М. Мид найдет свое дальнейшее отражение и в ее последующих трудах.

И. Труфанов

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Вьонг-хоанг-Туйен. Народы южноазиатского происхождения в Северном Вьетнаме. Ханой, 1963, 208 стр. 12 л. илл., табл., рис. (на вьетн. языке)

Проблема происхождения вьетов (т. е. собственно вьетнамцев) уже давно является предметом исследований многих зарубежных и, в частности вьетнамских ученых. В трудах историков, этнографов и особенно лингвистов содержатся самые различные точки зрения по этнической принадлежности вьетов. Не решен вопрос и об этно-лингвистической классификации, свидетельством чему является наличие нескольких взглядов: вьеты — ответвление китайцев, составная часть тхайских народов, тибето-бирманцы и, наконец, мон-кхмеры. До последнего времени в советской этнографической науке преобладало мнение, что язык вьетов относится к китайско-тибетской языковой семье. В действительности изучение этногенеза вьетов сопряжено со многими трудностями, вызываемыми характерными особенностями вьетнамского языка, впитавшего в себя элементы китайского, тхайского и мон-кхмерского языков, а также схожими явлениями в материальной и духовной культуре вьетов и окружающих их народов.

Рецензируемая книга принадлежит перу преподавателя Ханойского университета Вьонг-хоанг-Туйену. На основании уже опубликованных данных и собственных поисковых изысканий автор делает обобщающие выводы о народах Северного Вьетнама, гово-